

БЛОК И ЛЕРМОНТОВ: К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОМ ИДЕАЛЕ

Е.В.Мазниченко

Гуманитарный институт НовГУ, mazni4enko.katya@ya.ru

Рассмотрены причины обращения Блока к творчеству Лермонтова, его значение в символистской культуре, а также выявлена степень влияния женского образа лирики Лермонтова на творчество Блока.

Ключевые слова: *символизм, лермонтовская традиция, женский идеал*

The article focuses on Alexander Blok — Mikhail Lermontov links in poetry: Lermontov's place in the culture of Russian symbolism generally and influence of Lermontov's poetic female ideal on Blok's poetry specifically.

Keywords: *symbolism, Lermontovian tradition, female ideal*

В русской литературе женский идеал занимает достаточно большое место: он является одним из ключевых в национальной ценностной системе и, соответственно, требует пристального изучения. Мы можем отыскать следы его присутствия в творчестве почти каждого писателя и поэта. Литературное развитие этого образа у каждого автора всегда индивидуально, но из-за ряда причин возможно выявление черт сходства, связывающих женские образы в творчестве разных поэтов и писателей между собой. В силу разных причин идеальный женский образ в лирике Лермонтова и Блока имеет схожие характеристики, что и является предметом анализа в данной статье.

Фигура М.Ю.Лермонтова была настолько загадочной и неоднозначной для своего времени, что выделялась на фоне современного ему общества, этим и можно объяснить то, что многое из его творчества осталось непонятым и неоцененным современниками поэта. Ведь личность, которая не принимает законы времени, вряд ли может быть признана в своей эпохе.

Совсем иначе Лермонтов был воспринят в символистской культуре XX в., его творчество сыграло огромную роль в становлении основных художественных принципов символизма. Многие из символистов (например, Д.С.Мережковский, А.Белый, А.А.Блок, Вяч.Иванов) в разной степени стали обращаться к поэзии Лермонтова, результатом такого «сотрудничества» стало появление схожих художественных образов и тем. Возникает вопрос: чем был обусловлен такой интерес со стороны символистов к Лермонтову? На наш взгляд, в многогранном творчестве Лермонтова-романтика все же было многое, что позволяло представителям нового искусства видеть в нем своего предшественника — одного из «вечных спутников», по слову Мережковского. Большинство исследователей в разное время отмечали у символистов темы одиночества, демонизма, маскарадности, богоборчества, имевшие очевидные черты сходства с лермонтовским поэтическим миром, но помимо внешних, очевидных параллелей, существует и внутренняя черта, сближающая их творчество между собой, — это типологически сходное видение окружающего мира.

Интересно отметить, что и сами символисты пытались понять, на чем основана их заинтересованность Лермонтовым. Так, Д.С.Мережковский в своей

статье «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1909) вопрошал: «Почему приблизился к нам Лермонтов? Почему вдруг захотелось о нем говорить? Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой «тяжелый взгляд», что на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался. Не так ли мы сейчас к нему обернулись невольно?» [1]. Поэзия Лермонтова, по-новому прочитанная в начале XX в., заставила обратить на себя внимание представителей достаточно молодого литературного течения — символизма, а сам Лермонтов, хоть и непроизвольно, стал одним из предвестников многих образов, мотивов и тем, которые станут значимы и философски обоснованы уже в символистской культуре. Но неправильно было бы говорить о том, что младосимволисты подстроили творчество Лермонтова под ключевые положения своих идей. Они лишь увидели то, что было скрыто от пристального взгляда других. Подтверждение этому мы находим в самой лирике М.Ю.Лермонтова, одно из его стихотворений 1829 г. начинается так:

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...

В этих строчках Лермонтов по своему мироощущению оказался объективно близок основным положениям символизма: сближает его с ними утверждение существования иного мира, непохожего своими чертами на земной миропорядок. А.П.Авраменко отмечает: «Лермонтов попытался предугадать не только свою кончину, но в приливе мрачного неверия в жизнь пытался пророчествовать гибель всему сущему в России — и поэтому твердо был причислен жрецами нового искусства к кругу поэтов-теургов» [2]. Эта цитата еще раз доказывает, что интерес символистов к Лермонтову был оправдан многими факторами, но в первую очередь принципом символического мировосприятия. Нужно также отметить, что наиболее богато схожими чертами по отношению к новому искусству творчество *раннего* Лермонтова.

Лермонтов был важен для целого ряда символистов, но в наибольшей степени — для А.А.Блока. Многие исследователи творчества Блока указывали на очевидные факты, способствующие сближению двух художников. Стоит назвать лишь некоторые из них. Известно, что А.Белый в одном из писем, обращенных к А.А.Блоку, первым указал на преемствен-

ность его поэзии и высказал идею о «рукоположении Лермонтовым» [3] молодого поэта. Многие современники А.А.Блока видели в нем Лермонтова своей эпохи. Как отмечает А.А.Дякина: «Н.С.Гумилев напрямую выводил блоковскую линию из наследия Лермонтова, считая эти явления сущностно близкими <...> Одна из поклонниц блоковского таланта, Н.Павлович, рассказывала о своей встрече с кумиром: «Это было для меня примерно то же, что увидеть рядом с собой ожившего Лермонтова». Позже она вспоминала о Блоке: «Он рассказывал мне, что с юности думал о том, что ему предназначен подвиг, что он должен продолжить дело именно Лермонтова, но долга этого не выполнил» [4]. Даже во внешности Блока близкие друзья отмечали сходство с Лермонтовым. У К.И.Чуковского читаем: «Всмотритесь в одну из его фотографий. Он сидит за самоваром, с семьей, в саду, окруженный стародворянской идиллией, среди ласковых улыбок и роз, но лицо у него страшное, бездомное, лермонтовское, — чуждое этим улыбкам и розам» [5].

Но дело, конечно, не столько во внешнем сходстве или блоковском стремлении продолжить «лермонтовский подвиг», сколько в том, что в художественном мышлении Блока активно присутствовали лермонтовская проблематика, лермонтовское видение мира, по отношению к которым Блок стал важнейшим преемником в лирике XX в. Блок увидел в нем своего предшественника не просто со схожим, но глубоко родственным поэтическим взглядом на мир, на окружающее общество, на предназначение России, что определило дальнейшее развитие лермонтовской струи в русской поэзии XX в.

В ранней лирике Блока можно выделить художественные образы, явно навеянные поэзией Лермонтова. Сходства такого рода в творчестве А.А.Блока достигают своей оформленности в многочисленных эпиграфах, реминисценциях, парафразах из М.Ю.Лермонтова. Приведем лишь некоторые примеры поэтического взаимодействия А.А.Блока с Лермонтовым, которое прослеживается в следующих его стихотворениях: «Люблю. Начертаны святые письмена»: «пока в душе горит огнями храм...» и похожую строчку мы находим у Лермонтова: «Моя душа твой вечный храм» («Как дух отчаянья и злобы...» 1831). У Блока: «Пора забыть полный счастья сном, // Довольно нас терзало сладострастье...»; и очень схожее представление о сне, мы находим и у Лермонтова: «Пора уснуть последним сном, // Довольно в мире пожил я...» (1831), конечно, разница между этими образами присутствует, но нельзя отрицать, что это вариации одного и того же мотива.

Нужно также отметить и такие его стихотворения, которые очевидно подвержены лермонтовскому влиянию: «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет», «Накануне XX века», «Я человек — и мало богу равен» — они все близко связаны с лермонтовской «Думой». Итак, А.А.Блок, как видно из приведенных примеров, часто обращался к поэтическому опыту Лермонтова, но его поэзия не дублировала основные тезисы лирики своего предшественника, а *переосмыслила* ее основные художественные принципы.

Большинство современных исследователей говорят о том, что заинтересованность творчеством Лермонтова характерна только для молодого Блока, объясняя это тем, что в дальнейшем, после сближения с поэзией и основными философскими концептами Вл.Соловьева, Блок станет отдаляться от Лермонтова. На наш взгляд, это не совсем верно. Присутствие Лермонтова-поэта в поэзии Блока можно проследить на протяжении всего его творческого пути. Степень его влияния, несомненно, всегда будет разной, а иногда даже практически неуловимой, но говорить о полном исчезновении лермонтовских образов из лирики Блока не приходится. В «Лермонтовской энциклопедии», которая объединила опыт разных поколений исследователей, отмечается две наиболее важные линии взаимодействия Лермонтова и Блока. Первая линия связана с ранней лирикой Блока и отмечена явным лермонтовским влиянием, а вторая представляет собой ряд иных соотношений, когда Блок уже в статусе зрелого мастера обращается к своему учителю. В 1920 г. Лермонтов интересует Блока совершенно в ином ключе. В это время он участвует в проекте издательства З.И.Гржебина, цель которого заключалась в выпуске серии 100 лучших русских книг, куда входил том о Лермонтове, над предисловием к которому и работал Блок. Но труд Блока оказался неопределенным, его упрекали в том, что он написал о Лермонтове в присущей себе манере: так, как он его видит, а не так, как хотят видеть его многие другие. К.И.Чуковский по этому поводу писал: «Блок взялся проредактировать Лермонтова — и, конечно, его работа прекрасна. <...> Для Блока Лермонтов маг, таинловец, сновидец, богоборец, для Горького это «культурная сила», «двигатель прогресса», здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока — трагическое, чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: «дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал «на смерть поэта», тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока» [6]. Мы видим, что образ мятежного поэта-романтика и его творчество сопровождали Блока на протяжении всей его жизни.

Основная тематическая переключка Блока с Лермонтовым сфокусирована вокруг следующих мотивов: демонизма, богоборчества и маскарадности. Указанные темы уже довольно хорошо разработаны и обоснованны, и не требуют дополнительного рассмотрения. Менее изученной, но не менее важной является тема женского идеала в лирике двух поэтов. Для поэзии Блока образ Вечной Женственности был одним из центральных, им, в той или иной мере, пронизано все его творчество. Истоки этого блоковского образа ведут к поэзии Вл.Соловьева, Я.П.Полонского, А.А.Фета, но свое, особое, место в этом ряду занимает и М.Ю.Лермонтов.

Сами символисты первыми заметили в творчестве Лермонтова предпосылки формирования женского образа, который потом обретет черты Вечной Женственности в философии Вл. Соловьева, а затем появится и у А.А.Блока. Так, А.Белый в своей статье «Священные цвета» (1903) отмечал в поэзии Лермонтова присутствие идеального женского образа: «Нет,

не тебя так пылко я люблю; — говорил Лермонтов. Но кого же, кого?

Люблю мечты моей созданье

С глазами, полными лазурного огня.

Вот кого любит Лермонтов. Если бы Лермонтов до конца сознал взаимодействие между реальным созданием мечты «с глазами, полными лазурного огня» и его символом, которым становится любимое существо, он сумел бы перейти черту, отделяющую земную любовь от вечной» [7]. Очевидно, что символисты видели в Лермонтове поэта-пророка, который в своей поэзии уже задолго до них провидел женский идеал, столь важный в будущем для творчества Блока. Но, прозревая этот образ, Лермонтов не смог его по-настоящему распознать: дойти до конца в своем создании и поэтическом осознании женского образа, «дотянуться» до философских представлений символистов ему было не суждено, да и объективно невозможно — он был поэтом совершенно другой эпохи.

Блок, увлеченный софиологией Вл. Соловьева, продолжил лермонтовскую разработку этого образа. А.Белый отмечает: «Мы в Москве, с напряженным вниманием искали предвестий поэзии Соловьева; и находили у Фета и Лермонтова (“Нет, не тебя так пылко я люблю...”)) ощущение новой любви, в мир грядущей, не ведая, что ощущение это, высвобождаемое из-под коросты обывательской жизни, окрепло — у Блока, поэта, еще никому не известного, единственного выразителя наших дум: дум священных годов» [8]. Сближению двух поэтов, помимо вышесказанного, способствует и сходное романтически-идеальное видение женского образа. Вот как описано его появление в поздней поэзии Лермонтова:

И создал я тогда в моем воображеньи

По легким признакам красавицу мою;

И с той поры бесплотное виденье

Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

Похожее описание запредельного, неявного образа лирической героини находим и у Блока:

Ты только ослепишь сверканьем

Отвыкший от видений взгляд,

И уязвленная страданьем

Душа воротится назад.

Очевидное сходство двух отрывков прослеживается в описании женского образа, который приближен двумя поэтами к неуловимому видению, оставившему после себя лишь призрачный свет.

Мистическое видение Вечной Женственности — тема, которая ближе Блоку, нежели Лермонтову. Если Блок *знал* и *верил* в существование Вечной Женственности и «ждал» ее появления, то Лермонтов в своей лирике лишь *надеялся* на ее действительное бытие.

На первый взгляд, может показаться, что любовная поэзия Лермонтова насквозь биографична. Многие его стихотворения образуют целые циклы, посвященные Е.А.Сушковой, Н.Ф.Ивановой, В.Лопухиной. Но заслуга символистов состоит в том, что они сумели разглядеть за биографическими реалиями конкретного женского облика волновавший Лермонтова *идеал* женственной красоты, присутствовавший в его поэтическом сознании. Так, в его поэзии происходит слияние био-

графических портретных характеристик с женским идеалом в единый романтический образ одухотворенной женственности, проходящий сквозь все его творчество. Поэтому практически во всех его стихотворениях мы можем видеть соединение неземных, неявно уловимых черт женского образа с его земными, реальными характеристиками. Примером, подтверждающим данное положение, может служить одно из ранних стихотворений Лермонтова:

Она поет — и звуки тают,

Как поцелуй на устах,

Глядит — и небеса играют

В ее божественных глазах;

Идет ли — все ее движенья,

Иль молвит слово — все черты

Так полны чувства, выраженья,

Так полны дивной простоты.

Стоит более подробно остановиться на женском образе данного стихотворения. С одной стороны, автором здесь отмечаются неземные особенности женского образа — божественные глаза, в которых отражается небо, а также небывалое пение, в котором растворяются все окружающие звуки. Это — черты, раскрывающие неземной характер лирической героини. С другой стороны, она наделена «дивной простотой», все ее движенья и чувства зримы; тем самым автором утверждается ее земное происхождение. Особый интерес в этом плане вызывают следующие строчки: «Глядит — и небеса играют // В её божественных глазах». Мы явно угадываем здесь авторский замысел — его лирическая героиня реальна, она с земли смотрит на небо, а не наоборот. Лермонтову важно было показать двойственность изображаемой им женщины: она и земная, и в тоже время в ее образе присутствуют божественные черты.

Д.С.Мережковский при сопоставлении Вечной Женственности у Вл.Соловьева и М.Ю.Лермонтова замечал: «У Вл. Соловьева Вечная Женственность, хотя и «сходит на землю», но сомнительно, чтобы дошла до земли: она все еще слишком неземная, потому что слишком христианская; у Лермонтова она столь же земная, как и небесная, может быть, даже более земная, чем небесная; она и Варенька с родимым пятнышком, и девочка, играющая в куклы, и покойная мать, напевающая колыбельную песню, и «мать сыра земля» [9]. Мережковский вскрыл здесь основную особенность природы женского образа лирики Лермонтова, которая заключается в том, что сквозь земной облик возлюбленной проглядывает высший, небесный. В одном из стихотворений 1902 г. Блок выделяет в своей лирической героине только явное божественное начало:

А хмурое небо низко —

Покрыло и самый храм.

Я знаю: Ты здесь. Ты близко.

Тебя здесь нет. Ты — там.

Если у Лермонтова женский образ, наделенный божественными чертами, находится на земле, то Вечная Женственность у Блока должна сойти на землю, явиться реальному миру. Это во многом мистическое появление и предвидит Блок в своей поэзии.

Наделение женского образа земными и неземными характеристиками в лирике двух поэтов является центральным принципом, но далеко не единственным. В стихотворении Лермонтова «Она поет — и звуки тают», помимо указанных, присутствуют и другие черты женского облика, которые напрямую развиты в лирике Блока. Так, героиня Лермонтова наделена небывалым пением, которое идеализирует ее образ, приближая его к высшему, неземному началу. А в поэзии Блока пение, музыка уже являются главными, центральными характеристиками образа Вечной Женственности. Вот как это выглядит у Блока:

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

Блоковская героиня в данном отрывке невидима, и лишь по «звучным песням» можно узнать о ее далеком, внеземном существовании. Пение, как мы видим, становится важным элементом в построении женского образа у Блока: оно оповещает лирического героя о приближении Вечной Женственности.

Идеальный образ возлюбленной наделен как у Лермонтова, так и у Блока «лазурностью», то есть цветом неба в ясный день, который подчеркивает бездонность глаз лирической героини (а в рамках символистских представлений лазурный — это софийный цвет). Если у Лермонтова цветом лазури отмечены только женские глаза: «Встречу ль глаза твои // Лазурно-глубокие», то у Блока образ Вечной Женственности весь объят «лазурью золотою»: «Ты, лазурью золотою // Просиявшая навек». Лазурный цвет становится символом, который идеализирует героиню и говорит о ее соотнесенности с высшими сферами мироздания.

Сходство в построении женского образа у Блока и Лермонтова наблюдается и в волшебных элементах, с помощью которых подчеркивается его возвышенность, сказочность. Соотнесенность с волшебным миром является составным компонентом образа Вечной Женственности, который достигает своей завершенности в лирике Блока. У Лермонтова лишь детали говорят о волшебном происхождении женского образа: «За звук один волшебной речи, // За твой единый взгляд», когда у Блока лирическая героиня уже предстает волшебницей «Ты в белой выюге, в снежном стане // Опять волшебницей всплыла».

Лирическая героиня в раннем творчестве Блока наделена божественными чертами и в большей степени идеализирована, чем женский образ в поэзии Лермонтова, который все же отмечен более реальными характеристиками и освобожден от философского наполнения. Здесь стоит учитывать то, что Блок был представителем символизма, поэтому на его становление как поэта не могли не повлиять основные принципы нового литературного течения.

Таким образом, влияние Лермонтова на творчество Блока во многом выражалось не в заимствовании конкретных поэтических особенностей женского образа, а, скорее всего, в формировании сходных представлений о том, какими чертами должен был быть наделен идеальный образ Вечной Женственности. Набор художественных средств для создания описываемого образа у двух поэтов был различен, но аналогичное, романтизированное представление позволило Блоку видеть в Лермонтове своего предшественника. Следовательно, можно сказать о том, что Блок продолжил развитие поэтической традиции женского идеала в русской литературе, но, безусловно, с оглядкой на философскую основу нового литературного течения, что и позволило ему создать один из самых ярких и загадочных идеальных образов — Вечной Женственности.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №12-34-10207).

Публикация статьи посвящается 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова.

1. Мережковский Д.С. М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С.378.
2. Авраменко А.П. Преодоление (А.Блок и М.Лермонтов) // Авраменко А.П. А.Блок и русские поэты XIX в. М., 1990. С.216.
3. Белый Андрей и Блок А. Переписка. 1903 — 1919. М., 2001. С.22.
4. Дякина А.А. Религиозно-мистический аспект восприятия духовных заветов Лермонтова в творчестве поэтов-младосимволистов А.Белого и А.Блока // Дякина А.А. М.Ю.Лермонтов и русский символизм. М., 2001. С.118.
5. Чуковский К.И. А.Блок как человек и поэт: введение в поэзию Блока. М., 2010. С.30.
6. Чуковский К.И. Указ. соч. С.177.
7. Белый А. Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.207.
8. Белый А. О Блоке. М., 1997. С.35.
9. Мережковский Д.С. Указ. соч. С.412.

Bibliography (Transliterated)

1. Merezhkovskij D.S. M.Yu.Lermontov. Poe't sverxchelovechestva // Merezhkovskij D.S. V tixom omute. Stat'i i issledovaniya raznyx let. M., 1991. S.378.
2. Avramenko A.P. Preodolenie (A.Blok i M.Lermontov) // Avramenko A.P. A.Blok i russkie poe'ty XIX v. M., 1990. S.216.
3. Belyj Andrej i Blok A. Perepiska. 1903 — 1919. M., 2001. S.22.
4. Dyakina A.A. Religiozno-misticheskij aspekt vospriyatiya duxovnyx zavetov Lermontova v tvorchestve poe'tov-mldosimvolistov A.Belogo i A.Bloka // Dyakina A.A. M.Yu.Lermontov i russkij simvolizm. M., 2001. S.118.
5. Chukovskij K.I. A.Blok kak chelovek i poe't: vvedenie v poe'ziyu Bloka. M., 2010. S.30.
6. Chukovskij K.I. Ukaz. soch. S.177.
7. Belyj A. Svyashennye cveta // Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie. M., 1994. S.207.
8. Belyj A. O Bloke. M., 1997. S.35.
9. Merezhkovskij D.S. Ukaz. soch. S.412.